

Часть I.

1983-1987 гг. Торговый порт

1. Осознанная необходимость

Осенью 1983 года можно ещё было свободно разъезжать по одной шестой части суши. Работа специальных служб была не видна, не говоря о том, чтобы все упоминать их. Только скромные таблички на солидных зданиях намекали на существование таких организаций. Одна из таких табличек помогла мне выбрать мою будущую профессию. На ней было написано: «Министерство внешней торговли СССР. РИЖСКАЯ ТАМОЖНЯ». Находилась она на здании, что на улице Вилиса Лациса, дом 6, там же, где и библиотека Рижского морского торгового порта, читателем которой я являлся с 4-го класса школы. Эта табличка привлекла мое внимание не сразу. Этому предшествовали два события.

Впервые слово «таможня» коснулось моего слуха во время рассказа бывшей одноклассницы, работавшей тогда на скорой помощи при поликлинике четвертого управления. Уже не помню в какой связи, но она рассказала мне о том, что не так давно приезжала по вызову к начальнику Рижской таможни, который в процессе получения медицинской помощи пожаловался ей, что таможня остро нуждается в сотрудниках.

Во второй раз - когда мне на глаза попала статья, напечатанная в трех номерах газеты «Комсомольская правда» за август месяц 1983 года. Называлась она «ТАМОЖНЯ», и в ней было рассказано о работе таможни в аэропорту Шереметьево-2. Статья произвела такое большое впечатление, что бережно хранится у меня до сих пор.

В это время я как раз собирался сменить работу на другую, поближе к дому. Решение было принято. Взял отгул и прекрасным днём 13 сентября 1983 года (даже число 13 меня не смутило) отправился попытать счастья. Гордо прошёл мимо библиотеки на третий этаж в управление Рижской таможни и там, в маленьком, тесном и тёмном коридоре нахально поинтересовался у проходившего мимо человека в таможенной форме, где принимают в таможенники.

Впоследствии я часто пытался вспомнить, кто же из моих коллег это был - то ли Григорий Осипов, то ли Янис Озолс. Не помню. Да это уже, наверное, и не важно.

Меня направили в отдел кадров, где я сразу попал в опытные руки кадровика. Я очень сильно волновался и поэтому почти ничего не могу вспомнить из состоявшейся беседы. Но, видимо, вел себя совсем неплохо, так как получил пачку документов и анкету, которые нужно было заполнить и принести.

Допросив родителей и собрав свои немногочисленные документы, приступил к написанию автобиографии. Текста набралось на полстранички. Растянул по датам с новой строки. Получилась почти страница. Итак, с автобиографией было покончено довольно быстро. Теперь предстояло самое сложное - правильно и грамотно заполнить полученную анкету. Вы меня, конечно, поймете. Хорошая анкета в те времена - это было главное в жизни человека, она решала многое, если не все. А анкета была толстой, с вкладышем, с местом для фотографии и множеством хитрых вопросов. На некоторые из них я отвечал сразу, не задумываясь. А вот для ответа на другие приходилось допрашивать родителей и родственников.

Управился с писаниной всего дня за три. Взял свой труд, четыре фотографии 3x4, как на паспорт (тогда они еще были черно-белые), и пошёл в отдел кадров.

Дорога была давно и хорошо знакома. Пройдя мимо библиотеки, поднялся на третий этаж и потянул на себя тяжёлую дверь в таможню. Подхожу к кабинету кадровика, а там нет никого. Закрыто. Стою, не знаю, что делать - время то уходит, на работе соврал, что к доктору пошел. А при Андропове, если кто помнит, конечно, с этим строго было - бывало даже во время сеанса в

кинотеатрах останавливали просмотр и у зрителей документы проверяли. Если в рабочее время был в кино или в магазине, или ещё где, то все - неприятности были обеспечены.

Мне повезло. Кто-то из сотрудников таможни посоветовал подождать начальника отдела кадров. Тогда так принято было - помочь человеку, чтобы не маялся в официальных учреждениях. И точно - смотрю, идет. Подстаканник со стаканом несет, ложечкой позвякивает. Увидел меня у двери, поинтересовался, кого жду и когда узнал, что его, ласково так пригласил зайти. Представляете, на «Вы» ко мне обращался. Хотя старше меня раза в три был. Зашли. Кадровик взял анкету, ознакомился и хитро так поинтересовался: «Что ж это Вы тут написали?».

Я удивился. Черт, что я там такого мог написать? Вроде только правду и ничего кроме правды. Ну, разве что, кое о чем не стал упоминать. Но этого он знать не мог, ведь я же анкету только что отдал. Или мог?

Оказалось, что в графе о знании иностранных языков я указал, что не владею никаким языком, а нужно было написать - «владею английским языком со словарём». Попытка возразить была сурово пресечена.

Аж пот прошиб. А я то уже подумал ... всякое. Написал, что велели.

Он взял мои бумаги, усадил в коридоре и велел ждать. А сам зашёл в дверь с табличкой Начальник Рижской таможни Ерусалимский А.Ю.».

Сижу. Жду. Волнуюсь. А время летит. А меня не вызывают. Наверное, не возьмут. Зачем, только мне это все надо было?

К начальнику зашли несколько солидных людей в форме. Немного погодя открылась дверь, и девушка-секретарь вежливо пригласила меня проходить. Опять обратившись на «Вы».

Бросило в жар. Захожу, а там другая дверь, обитая дерматином. Прохожу, свет из окна бьет по глазам. В кабинете никого. Стол, стулья, большое разлапистое растение у окна - и никого. Мистика. Вдруг властный голос предложил: «Садитесь!».

Вздрогнул от неожиданности. Так, немного, внутри себя. Стулья стояли сразу у двери. Сел. Не откинулся на спинку. Посмотрел влево и за столом увидел пожилого мужчину с генеральскими петлицами, над ним на стене портрет Ленина в золоченой раме, справа от него сейф, слева - красное знамя с бахромой, на столе несколько телефонов, как и положено генералу. Напротив меня, спиной к окну, за столом сидели кадровик и люди в форме, которых я не заметил, ослеплённый ударившим в глаза светом из окна.

Перед начальником таможни на столе лежала папка с моими документами. Лицо у него было серьезное, аж мороз по коже, выдержав соответствующую случаю паузу, строгим голосом спросил, почему я решил прийти работать именно в таможню?

Этот первый вопрос, который мне задали в таможне, помню до сих пор. А вот ответа на него не помню. Отвечал я на него довольно долго и бестолково, зато очень искренне.

Про библиотеку рассказал, про статью в газете, про то, что все равно решил сменить работу, и про то, что живу рядом - через парк, а ездить сейчас на работу далеко и неудобно, и давно хотел найти работу поближе. Что отец работает в порту докером-механизатором, что это он посоветовал мне обратиться в таможню, и ещё что-то говорил, а они внимательно слушали.

Совсем «ошарашили» вопросом о размере моей нынешней заработной платы. Затем спросили, знаю ли я, что заработная плата в таможне меньше, и та должность, на которую я могу претендовать, оплачивается в пределах 120-140 рублей.

Пришлось привести такой аргумент, как время, затрачиваемое мною на дорогу до работы сейчас. Оно составляло 1,5 часа в одну сторону.

Поинтересовались моей службой в армии, кем и где служил. А служил я в ГСВГ - Группе Советских Войск в Германии. Сразу активность вопросов пошла на убыль, спросили ещё о чём-то и попросили выйти в коридор, подождать, пока они будут совещаться. А когда примут решение, меня позовут. Позвали на удивление быстро.

- Мы решили, - сурово сказал начальник таможни, - проверить предоставленную Вами информацию и в случае, если она подтвердится, то Вам сообщат, что делать дальше. Приём был окончен.

Ждать долго не пришлось. Через несколько дней, 21 сентября позвонили и пригласили на дополнительное собеседование. Пришёл, в таможне меня уже ждали и сразу взяли в оборот - выдали бланки анкет с собой и ещё раз, между делом, как бы ненароком, задали несколько вопросов из уже сданных анкет (это я понял только много времени спустя).

Дома, когда заполнял бланки, моя будущая жена, ознакомившись с бумагами, стала подтрунивать надо мной, что теперь-то она узнает из них, что я за гусь, и есть ли у меня родственники за границей. Я героически пыхтел, скрипя пером по бумаге, и не ленился делать рукописные копии на всякий случай, на будущее, и как показали последующие события – не зря. В дальнейшем я не раз использовал имевшиеся у меня копии анкет.

Сдав документы, снова стал ждать. Как предполагаю, второй комплект документов был передан в соответствующие органы для проверки на достоверность сообщённых мною данных и открытие личного дела на нового кандидата.

Данные сообщённые мною подтвердились и примерно через месяц, в конце октября, меня пригласили на решающую встречу в отдел кадров таможни - предложили написать заявление о приёме на работу.

В те далёкие времена, как и теперь, перед увольнением нужно было отрабатывать целый месяц, о чём я поставил в известность кадровика, тот посоветовал мне написать заявление переводом «на таможню», это «на таможню» тогда мне так резануло слух. «По-хорошему» меня отпускать не хотели, требовали отработать месяц, пришлось обратиться за помощью в отдел кадров таможни. После звонка начальника таможни руководителю треста, в котором я работал, меня, наконец, с зубным скрежетом и соответствующей характеристикой уволили.

На другой день я был принят в таможню и до самого вечера подписывал какие-то бумаги и приказы, щедро раздавая обещания не разглашать, соблюдать, блюсти и ещё чёрт знает что. Параллельно проходил инструктаж на темы, вспомнить которые по завершению инструктажа не смог. На другой день получил указание прибыть в управление таможни, имея при себе ручку и записную книжку.

11 ноября 1983 года началось обучение таможенному делу, проходившее в помещении «красного уголка» таможни, в котором также находился и музей таможни. Для начала начальник грузопассажирского отдела Сергей Фёдорович Макеев принес три толстых скоросшивателя с таможенными правилами, положил их на стол и прихлопнул тонкой зелёной книжкой с надписью «Таможенный кодекс СССР». В ответ на мой немой вопрос мне было сказано, если что-то неясно, можно спрашивать у него, когда он будет приходить сюда покурить. Впоследствии узнал, что курить в помещении оперативного отдела таможни было категорически запрещено, о чем имелся специальный приказ, с которым под роспись были ознакомлены все сотрудники таможни. А мой будущий начальник А.А. Моисеев как раз в это время был лишён на год квартальных премий и получил выговор именно за курение. Точнее, за курением его не застали, а вот дым из помещения оперативной смены еще не выветрился.

За две недели, проведённые в «красном уголке», я добросовестно проштудировал все три врученных мне тома и Таможенный кодекс, выписал в блокнот самые интересные, по моему мнению, места, тщательно изучил содержимое стендов музея (их было всего два) и прочитал все пояснительные таблички под экспонатами. И вот однажды во время моего самообучения распахнулась дверь и в «красный уголок» стали заносить задержанную контрабанду перед её сдачей на склад таможни. Появились «авторы» дела и стали обсуждать технические детали обнаружения контрабанды и особенности оформления протокола на неё (контрабанда была обнаружена в рыбном порту на ТР «Буря»). Чего только там не нашли: и какой-то баббит, который сразу занесли на склад, так как его было много, и иконы, и серебряные монеты, и деньги, и много всякого другого. Со слов таможенников я понял, что досмотр ТР длился два дня и почти весь экипаж был списан на берег. Я был очарован и загипнотизирован происходящими у меня на глазах событиями. Передо мной лежала настоящая контрабанда и находились необыкновенные люди, нашедшие эту контрабанду. А они, словно меня не было, не обращали на меня никакого внимания и делали своё дело.

Позднее мне рассказали о том, с чего всё началось тогда на «Буря». Во время проведения таможенного досмотра начальник смены № 4 Гомозов Владимир Кузьмич, проходя по коридору мимо мусорного ящика, обнаружил в нём пять серебряных монет (латы буржуазной Латвии), что и послужило основанием для начала более тщательного досмотра, длившегося несколько дней. Одновременно с ТР «Буря» на соседнем причале проводился таможенный досмотр ТР «Зурбаган», где сложилась похожая ситуация. Члены экипажа, уличённые в контрабанде, списывались на берег, им на смену приезжали другие, которых в свою очередь уличали в контрабанде и списывали. Когда людей для подмены списываемых за контрабанду и нарушения таможенных правил моряков больше не нашлось, наступило затишье. Только спустя неделю, после тщательного «шмона» приезжающих на замену членов экипажей со стороны администрации судовладельца, корабли вышли в море.

Описывая свои первые впечатления от работы таможни, вспоминаю эти события, словно они произошли вчера. Но теперь-то я осознаю, как был тогда далёк от понимания сути этой работы, каким был доверчивым, наивным, и значит - незащитным. Тогда я готов был верить на слово любому из этих ребят. Я хотел работать с ними, только с ними и больше ни с кем.

Однажды, для обучения оформлению багажа, меня со старшим инспектором Янисом Озолсом отправили в аэропорт Рига для выпуска отставшего багажа пассажира. Кстати, дорогу до аэропорта и обратно пришлось оплачивать самому - таможенники осуществляли таможенный контроль, перемещаясь между объектами за свой счёт. Во время поездки на автобусе № 22 Янис сказал мне, что, по его мнению, таможенника, отработавшего в таможне больше двух лет, спокойно можно отправлять в «места не столь отдалённые», уточнив, что он уже отработал в таможне три года.

В последний день обучения меня представили моему новому начальнику. В «красный уголок» зашли кадровик и высокий, худощавый, очень молодой парень. Кадровик что-то сказал ему и кивнул в мою сторону. Так мне посчастливилось познакомиться с Анатолием Алексеевичем Моисеевым, старшим смены № 2, ставшим моим начальником на всё время работы в таможне. Я постарался рассмотреть его повнимательней и с ужасом увидел под форменным пиджаком гражданский свитер, да и причёска была неуставной. Бросив в мою сторону беглый взгляд он сказал: - «Привет» и быстренько удалился, даже не переговорив.

Как я узнал позже, Анатолий Алексеевич был после ночного дежурства и пожертвовал личным временем для того, чтобы взглянуть на своего нового сотрудника.

Утром 24 ноября мне вручили удостоверение инспектора таможни и сообщили, что завтра к 8.00 я должен прибыть к новому месту работы в Рижский морской торговый порт. Весь день удостоверение жгло мне карман и я постоянно прикасался к нему, чтобы убедиться, что не потерял и вообще - что оно существует. Когда я вечером пришёл домой, то оно пошло по рукам. У отца даже голос дрогнул, когда он сказал: - «Молодец сынок» или мне просто показалось тогда...

Моё служебное удостоверение, выданное в 1987 году

Почему меня приняли в таможню? Не могу понять до сих пор. У меня не было «волосатой руки», рекомендовать меня тоже было некому... Наверное, тогда время такое наступило.

И всё-таки сделанный мною тогда случайный выбор превратился в профессию, ставшую моим образом жизни почти на восемь лет. Вот об этих восьми годах я и хочу Вам рассказать.

2. Первые впечатления

На следующий день, 25 ноября 1983 года, к 8.00 я отправился на новую работу в порт. На проходной гордо раскрыл удостоверение, предъявляя его ВОХровцу, и меня пропустили.

По нарисованному плану без труда отыскал здание склада, в котором располагались служебные помещения таможни.

Таблички на здании склада не оказалось. Поднялся на третий этаж, где, по описанию С.Ф. Макеева, направо от лестницы находилась портовская таможня. На лестничной площадке стояла деревянная скамья, покрытая фигурно изогнутым листом фанеры, около которой расположились несколько таможенников в форме. Они что-то негромко обсуждали и курили, курили. На меня никто не обратил внимания.

Прошёл дальше по коридору, где успел заметить таможенника, вошедшего в покрашенную масляной краской дверь, рядом с которой была прикреплена скромная табличка с одним словом «ТАМОЖНЯ». Постучал и, не дождавшись ответа, потянул за ручку. За дверью находился узкий коридор метра два-три длиной, в конце которого была ещё одна дверь. Толкнув её, оказался в большой комнате с двумя столами и телефоном, стоявшими у окна. В комнате никого не было. Ещё одна дверь была открыта настежь, через неё было видно несколько столов, заваленных бумагами, за которыми сидели люди в форме, они усиленно работали, проставляя штампы на пачки документов. Происходило это следующим образом - пачка документов, проложенная копиркой, укладывалась на край стола, сверху прижимался квадратный штамп и всё это протягивалось вместе с крепко прижатым штампом через угол крышки стола, после чего пачку бросали в кучу на краю стола, откуда её брал другой таможенник и, проставив дату, расписывался. Впоследствии самому пришлось таким образом продавливать штамп на все экземпляры разнарядок, дающих право на разгрузку грузов, прибывших в порт.

На вопросительный взгляд усатого, худощавого человека с майорскими петлицами я показал удостоверение. Он кивнул головой. Так как войти и сесть мне не предложили, то решил, что нужно подождать в комнате, через которую вошёл. Вдоль стены стояли несколько металлических стульев, обтянутых светло коричневым дермантином, на одном из них я и расположился. Не успев устроиться как следует, услышал, что в комнату кто-то вошёл. Взглянув на прибывшего, узнал в нём своего нового начальника. Он тоже узнал меня и спросил - чего я тут сижу? И не дождавшись ответа, добавил: - «Пошли». Мы вошли в комнату с усатым таможенником, что-то писавшим в толстой книге. Кивнув в мою сторону, кратко бросил присутствующим: «Это наш новый сотрудник, будет работать у меня в смене». После чего стал здороваться с присутствующими,

подавая руку всем, начиная с усатого за столом. Посчитав, что так принято, я последовал его примеру. Усатый усмехнулся и тоже подал мне руку. Это был начальник смены № 4 Гомозов Владимир Кузьмич, как я позже узнал - один из самых результативных поисковиков Рижской таможни и основной конкурент смены № 2 в борьбе за первое место в соревновании оперативных смен.

К восьми часам в помещении таможни собралось много народу. Все стулья, кроме одного, слева от начальника смены были заняты, но никто не расходился - кого-то ждали. Смена В.К. Гомозова после ночного дежурства, наша смена, только что заступившая, и ребята, которых я видел в управлении. Шевельнувшаяся надежда, что буду работать с ними, умерла сразу. Мой начальник занял место за столом, прочитал запись в журнале дежурств и приказал кому-то: - «Проверь».

При заступлении на дежурство проверяли наличие радиостанций на зарядку аккумуляторов, галлогеновые фонари, судовые дела в ячейках, разложенных по причалам. На стене висела схема порта к которой были прикреплены жёлтые магнитики с названиями кораблей - проверялась текущая ситуация в порту.

Распахнулась дверь, вошёл седовласый таможенный полковник с портфелем, в сером форменном плаще и фуражке. Пока он снимал плащ и фуражку, все терпеливо ждали. Поздоровавшись со всеми, он устроился на свободном месте. Стало ясно, что по утрам этот стул занимать не стоило. Это был Тамсон Зигурд Рудольфович - заместитель начальника таможни и куратор портового отдела, который по рабочим дням к 8.00 приходил на пересменку в порт и под роспись доводил до оперативного состава указания и распоряжения Главка и приказы по таможне. А дежурные начальники докладывали ему о работе за время дежурства и происшествиях. И, конечно, о задержаниях контрабанды. Вся процедура могла длиться до часа. Но работа не могла стоять на месте, поэтому минут через десять мой новый начальник смены с разрешения заместителя начальника таможни стал рассылать людей на оформление кораблей и контроль грузов.

Этим утром своё выступление заместитель начальника начал с представления нового таможенника, то есть меня, а ознакомление с новинками таможенного законодательства было позже. Закончив чтение вслух нормативных актов с последующим визированием их слушателями и собрав бумаги в портфель, заместитель начальника всех отпустил и незаметно удалился сам.

В тот день комиссию «на приход» заказал теплоход РО-РО «Бородин» под французским флагом. В состав комиссии от таможни был направлен Самохин Валерий Фёдорович, к нему прикрепили меня в качестве подопечного. По традиции мне вручили коричневый кожаный портфель с таможенными документами, бланками и штампами. Его полагалось носить на комиссии до того времени, пока кого-нибудь не примут в отдел после меня.

До причала № 18 нас довезли «инфлотовцы» на своём автомобиле. С нами ехала представитель санитарной службы, которая всегда первой поднималась на судно, на случай, если на борту были инфекционные больные.

В этот раз, как и во все последующие годы, больных на судне не оказалось, но порядок есть порядок, и соблюдался он всегда неукоснительно.

У борта судна нас ожидал офицер-пограничник, в сопровождении которого мы подошли к стоящему у рампы пограничнику-сержанту. Самохин сказал ему, показав на меня, что это новый сотрудник, входящий в состав комиссии и после предъявления удостоверения меня пропустили на борт. Для самостоятельного посещения иностранного судна, стоящего в порту, таможенному офицеру нужен был специальный пропуск, выдававшийся пограничниками на один год. Пропуск необходимо было сдавать при посещении иностранного корабля дежурному пограничнику у трапа. В среде таможенников ходила поговорка о том, что «честному таможеннику терять нечего, кроме пропуска на иностранные суда».

Пройдя по трюму, заставленному грузом, чередой одинаковых железных лестниц и коридоров, мне стало понятно, что обратной дороги самостоятельно я бы не нашёл, поэтому постарался не отстать от старшего.

Пропуск на право посещения иностранных судов, стоящих в порту Рига

Наконец мы поднялись в салон, где нас ожидали капитан судна и грузовой помощник с огромной пачкой судовых документов. Поздоровавшись со всеми членами комиссии, капитан сел во главе стола, а члены комиссии по обеим сторонам от него. Работница Инфлота и Самохин стали о чём-то переговариваться с капитаном на английском языке, понимать, а тем более говорить на котором, несмотря на тройку по английскому языку в аттестате за среднюю школу, я не умел. Самохин, получивший документы, начал их разбирать и раздавать по назначению после того, как ставил на них таможенный штамп с надписью «Выгрузка разрешена».

В происходящем у меня на глазах действии я ничего не понимал и поэтому начал скучать. Заметив это, Самохин вручил мне таможенный штамп, предварительно объяснив, куда его надлежит ставить, где подписываться и проставлять дату. Работа была важной, ответственной и нужной. На штампе было написано, что «Выгрузка разрешена» и это разрешение выдавалось мною! Особенно в этой процедуре мне удавались автографы на документах. Подпись у меня была весьма замысловатая, с многочисленными завитками и прочерками, поэтому её рисование занимало много времени.

Для облегчения труда комиссии стюард принёс баночки с напитками, которые были вскрыты присутствующими очень ловко - сказывался опыт. Когда я в свою очередь попытался проделать то же самое, вырвавшаяся из банки струя жидкости облила всё, до чего смогла долететь. Особенно досталось лежавшим передо мной грузовым документам. Члены комиссии только прикрыли документы, с которыми работали, я же пытался загнать хлещущий лимонад в скользкую банку, из которой разъярённый напиток хлестал ещё сильнее. Как долго длилась борьба - умолчу. Наконец струя лимонада иссякла. Краска стыда за своё неумение покрыла меня всего, я готов был провалиться сквозь палубу, грузовые трюмы и ещё глубже. Прибежавший на шум стюард сразу понял, что произошло, и помог мне устранить следы катастрофы. Так славно начавшийся день утратил всю свою привлекательность. Прекрасное настроение пропало. Явно эта работа была не для меня. Испортил документы, залил стол, палубу и стены! Да ещё на иностранном корабле. Катастрофа! Скандал! Стыдоба! Нужно из таможни уходить самому.

Решение мною было принято. Его отражение на моём лице разглядел Самохин. Когда мы остались одни, он просто посоветовал мне не переживать по пустякам. И, пока мы шли до таможни, рассказал историю о том, как таможенник провалился с документами сквозь пирс в яхт-клубе - пирс был гнилой, как всем отделом сушили бланки, восстанавливали документы. Потом последовала история о таможеннике, упавшем за борт судна на рейде, но не выпустившего из рук портфеля с документами. Немного успокоившись, я решил положиться на волю судьбы: если попросят уйти - уйду.

В отделе произошедшему инциденту не было придано никакого значения и меня с Самохиным направили на советский пароход, порт приписки которого, помню, был Архангельск. Потом было ещё несколько судов на приход и отход.

Вернувшись в контору, Самохин объяснил мне на каком корабле какие документы нужно оформлять на месте, а какие брать с собой, где и какие штампы ставить и в каком случае. Поняв, что запомнить изложенное мне с первого раза не получится, я открыл блокнот и стал записывать названия документов и какие действия с ними нужно проделывать.

Самохин Валерий Фёдорович напоминал мне кого-то до боли знакомого и только в конце смены я вспомнил кого - конечно же - Верещагина. Такой же видный, солидный, неспешный и рассудительный, с негромким внушительным басом. Интересной особенностью, подмеченной мною позже, было то, как он курил - еле заметно раскачиваясь с пятки на носок, заложив одну руку за спину, в другой он держал сигарету таким образом, чтобы пепел падал в ладонку. Он произвёл на меня впечатление куда большее, чем начальник смены. По моему мнению, именно так должен был выглядеть настоящий начальник. Моё упавшее настроение значительно улучшилось, когда мне сообщили, что он будет моим наставником.

Незаметно прошёл день. Голова, непривычная к напряжённой работе мысли, гудела. Ко времени сдачи смены способность воспринимать окружающее была утеряна. Как оказалось, самое трудное для меня было научиться думать. Поверьте, это так!

В 20.00 мы сдали смену высокому усатому таможенному майору (это был Афанасьев Юрий Борисович) и всей сменой пересекли проходную. Первым от дружного коллектива отделился я, так как жил около порта в 4 минутах ходьбы от проходной.

Немного отдохнув, постарался вспомнить, как прошёл первый рабочий день, как звали людей, с которыми пришлось столкнуться.

Итак, моя смена состояла из: двух майоров (по армейской квалификации - таможенной я тогда не знал) - начальника смены Моисеева и его заместителя Самохина, двух старлеев - Керимова Тельмана и Голдманиса Хелмара. Однако в ночную смену нас стало на одного больше - оказывается в отгуле был ещё один майор - Зайцев Василий Петрович. Затем, на другой день, мы заступили в ночную смену и понеслось: 12 - 24 - 12 - 48, где двенадцать - это количество рабочих часов, а остальные цифры - время отдыха.

3. Начальники Рижской таможни

В начале 1980-х гг. начальник таможни уже был стар, очень стар или может и не очень? Да это и не важно. Возраста он был соответственного, опыт имел огромный, а об авторитете среди сотрудников можно вообще не рассказывать. Не повышая голоса, он мог стереть сотрудника «в порошок». Делалось это исключительно за проступки и обосновывалось в свойственной только ему манере. А мог и поощрить в той же манере. Такое запоминалось надолго. Под его руководством администрация таможни не стеснялась поздравлять родителей сотрудников таможни, например, с днём рождения. И была учреждением, пользующимся большим авторитетом как в глазах смежных служб, так и подконтрольных лиц. Сотрудник таможни, в случае возникновения трудностей при общении с другими государственными инстанциями, мог напрямую обратиться к начальнику таможни и в помощи отказа не было.

Как-то в июне 1983 года один старший инспектор для оформления военно-транспортного самолёта прибыл на борт раньше командующего ПрибВО вылетающего на нём. Учитывая, что экипаж с пассажирами был на борту, он приступил к таможенному оформлению. Ко времени появления командующего у женщины из числа пассажиров была обнаружена иностранная валюта, не указанная в таможенной декларации, но предъявленная по предложению таможенника. Валюту задержали на хранение по квитанции. Женщина оказалась дочерью этого генерала, который тут же пообещал таможеннику, что просто так этого не оставит. Спустя некоторое время таможенник, будучи офицером запаса, получил повестку в армию на сборы на полгода. За помощью в

разрешении этой ситуации он обратился к начальнику таможни. Старшего инспектора на сборы не забрали.

Когда произошла Чернобыльская катастрофа, мне прислали повестку в армию. Догадаться куда я буду направлен было несложно - все сотрудники таможни проходили обучение на специальных курсах для допуска к работе на рентгеновских аппаратах. Кроме того, в ГСВГ я служил на локаторной станции. По совету А.А. Моисеева я обратился за помощью к начальнику таможни и получил её. За что до сих пор ему благодарен!

Начальник долго и успешно руководил таможней лет двадцать. Когда замутили перестройку, он не выдержал, не смог спокойно наблюдать, куда стремительно покатилась страна, и где-то что-то кому-то высказал по этому поводу. Вероятно, это учли и намекнули о предстоящих изменениях в таможне. Пока все дружно радовались надвигающимся переменам, он готовился. Боже упаси, нет! Не к государственному перевороту и не к переводу в Главк. Он готовился к выходу на пенсию. В связи с давно наступившим пенсионным возрастом. Нужно отметить, что ему в этом усиленно помогали комитетчики, которые для ускорения процесса заменили заместителя начальника таможни, являвшегося одновременно представителем КГБ. Основной задачей нового зама стало создание оснований для «ухода» начальника таможни в отставку. Поставленная цель была достигнута летом 1987 года.

Придавленный материалами, собранными на него за годы работы, начальник с формулировкой «по достижению пенсионного возраста» вышел на заслуженный отдых. Это событие прошло почти незаметно. Вспомнить о каких-либо торжественных мероприятиях по этому поводу не получилось. Сотрудникам таможни захотелось увидеть во главе таможни человека молодого, умного, энергичного, настоящего профессионала, из людей, которых все давно знали. Выдвинули несколько достойных кандидатур и уже предвкушали приятную процедуру выборов. Многим захотелось занять столь почетную и ответственную должность, но не все из них имели шанс.

Всё учли сотрудники таможни, кроме такого «форс-мажорного» обстоятельства, как наша Коммунистическая партия, которая, как вы помните, была руководящей и направляющей СИЛОЙ нашего общества, и решила эта сила по-своему. А как вы понимаете, против силы не попрешь. Не смогли и мы.

Прислали опытного партийного работника с 19-ти летним партийным стажем из небольшого городка на территории нашей республики, успешно завалившего там партийную работу. Во вверенном ему городке образовались организации националистического толка, которые после прихода к власти поторопились ликвидировать и таможню вместе с её начальником, так сказать в порядке взаимности.

Но это произойдет еще не скоро. Сейчас на дворе был только 1987 год. Страна жаждала перемен, и они накрыли её.

Старый начальник ушел на пенсию, на его место назначили нового. Сотрудники повозмущались-повозмущались и оставили это дело. Безднадежное занятие - бороться с направляющей силой, работать надо - границу закрывать от всяких разных и прочих. Недовольные затаились, выжидая своего часа, остальные просто продолжали выполнять свои служебные обязанности. Как говорится, работа вошла в нормальное русло.

К руководству таможней приступил партийный функционер занявший кресло начальника и получивший сразу чин таможенного полковника, так как в соответствии с существовавшим тогда законодательством, партийный стаж был засчитан как профессиональный, что повлекло получение доплат за «срок» службы в таможенной системе. Это больше всего возмутило ветеранов таможни, но ничего сделать было нельзя.

А какие резолюции он накладывал на просьбах, обращенных к нему! «Оформить согласно действующего законодательства!» А ведь просьба писалась на его имя лишь потому, что в

таможенных правилах иногда говорилось - «нельзя, но по разрешению начальника таможни - можно». Поэтому, прочитав такую резолюцию, приходилось принимать решения за него, чтобы из-за бюрократа не позорить таможню. Тренировались на должность начальника таможни, так сказать.

А сколько дел о контрабанде было им отменено! У меня эти протоколы до сих пор хранятся.

Тем не менее, нужно отдать ему должное. Бурная бюрократическая деятельность, поощряемая и вдохновляемая Н.И. Гусевым, оставила внушительный след из фактов и цифр в различных справках и оперативных бюллетенях, носящих гриф «для служебного пользования». Несколько таких документов, найденных мною у себя и предоставленных коллегами, сослужили свою информационную службу. Благодаря им, мне удалось многое вспомнить и точно привязать по времени. За это я благодарен Вам, Николай Иванович.

Попытки проконсультироваться по рабочим вопросам у заместителя начальника таможни у меня прекратились ещё на первом году работы, когда я, по молодости, обращался к нему за консультацией. Обычно он спрашивал у меня - а что, говорят по этому поводу таможенные правила? Если я отвечал, то он советовал делать так, как написано в правилах, если я не отвечал, то он мне советовал их читать. Поэтому решения приходилось иногда принимать по наитию, а не руководствуясь знаниями. Воспитанная этим самостоятельность, во многом позволяет объяснить принятие некоторых неординарных решений в последующих событиях.

О начальниках таможни первым мне рассказал Зайцев Василий Петрович, которому довелось с ними работать. Он с юмором описывал методы и стиль их руководства. Было очень интересно слушать и, конечно, нужно было записывать то, что рассказывал. По его словам, в начальниках Рижской таможни побывало совсем немного людей.

Так, по моим данным с 30 ноября 1944 года по 3 января 1945 года таможней руководил Шальнов Василий Петрович, затем с 12 марта 1945 по 1968 год - Первушин Пётр Иванович, с 1968 по 1970 год - Горин Фёдор Николаевич, потом с 1970 по 1987 год - Ерусалимский Аркадий Юрьевич и, наконец, с 1987 по 1991 год - Гусев Николай Иванович.

8. История про «шпиона»

Как-то, в декабре 1983 года по пути на работу в ночную смену, на проходной РМТП я встретил старшего инспектора Салиньша Айвара, поздоровался с ним, и пошагал дальше. Еле успел в отдел войти, как начальник смены говорит:

- Быстро дуй на проходную и не уходи, пока не скажу. Там есть человек, он скажет что делать.

Я бросил вещички и бегом рванул выполнять распоряжение. На проходной ничего объяснять не стали. Салиньшу моё появление не очень понравилось, но уходить он явно не собирался. - Странно - подумалось тогда - его смена уже закончилась, а он не уходит.

Стоим, контролируем. Вернее, контролирует он, а мне поручено задерживать всех иностранных моряков на вертушке и по одному направлять в комнату для контроля.

Процесс проходил вяло, моряки возвращались мелкими группами по два-три человека, разморенные алкоголем, и от этого пребывая в блаженно-приподнятом настроении. Контроль они проходили быстро, в большинстве своём, имея пустые карманы, и после контроля, пошатываясь, удалялись в сторону своего судна.

И вот, ближе к полуночи (тогда иностранные моряки имели право находиться на берегу до 24.00, если задерживались, то это было ЧП, и такому нарушителю закрывали сход на берег на всё время нахождения в порту) вижу - заходит невзрачный морячок с полиэтиленовым кулёчком в руках.

Его, как и всех ранее, отправил на досмотр к старшему инспектору. Только в этот раз он вдруг позвал меня в досмотровую комнату. Я договорился с ВОХРовцем, что если появится еще кто-то, чтобы тормозил их. Захожу и вижу - досмотр начался. Пропуск на судно (выдавался взамен паспорта пограничником, дежурившим у трапа судна), иностранная и советская валюта, содержимое карманов и кулёк уже лежали на столе.

Иностранец что-то объясняет старшему инспектору, но, судя по его реакции, тот не верит.

- Посмотри, что в кульке, - говорит мне Салиньш.

А что там смотреть - грязный, мокрый кулёк. Разворачиваю и вижу мокрую землю, да плавающую в ней отвёртку.

Что там? - спрашивает старший у меня.

- Земля и отвёртка, - отвечаю.

Немного болтать по-английски мне уже приходилось. Слышу, что старший задал вопрос: - «Зачем это тебе?».

А тот что-то объясняет, как я понял, про цветы.

И уже когда вроде бы разговор пошёл на убыль, чёрт дёрнул меня за язык ляпнуть:

- Это образцы грунта для анализа.

В ГСВГ, где мне довелось служить, нас инструктировали, что отбор образцов грунта как на территории части, так и около неё был запрещён. Вот так из простого садовода-любителя радио-офицер - гражданин Франции стал шпионом. А может быть он им действительно был?

Старший инспектор оставил меня на проходной продолжать контроль, просто сплавив, чтобы не путался под ногами, а сам повёл задержанного иностранца в отдел. Промаявшись на проходной до часу ночи, решил позвонить в отдел и поинтересоваться, долго ли мне тут торчать?

- Возвращайся, - ответили мне.

В отделе было оживлённо. В дальнюю комнату, где происходила процедура по выяснению правды, меня не допустили, а просто отправили на оформление какого-то парохода, благо кораблей в порту и на рейде было множество.

Так всю ночь я и пробегал с судна на судно с чужой печатью и портфелем, наполняющимся судовыми делами. При этом, как ни странно, я был единственным представителем таможни в составе комиссии. Вся моя смена, вероятно, была занята чем-то более важным.

Позже мне стало известно, чем занимались мои коллеги в это время. После задержания радио-офицера, на теплоходе класса RO-RO «BORODINE» был проведён повторный досмотр его каюты. В мусорном ведре были найдены мелко разорванные листки бумаги, а когда их сложили, то увидели, что это подробный план порта и военно-морской базы в Болдерае с нанесенными топографическими отметками.

Когда я вернулся в отдел, то почувствовал напряжённость и огромное количество табачного дыма, клубившегося по всем кабинетам, несмотря на категорический запрет на курение в отделе. На меня не обращали внимания, пока я раскладывал и регистрировал судовые дела, сдавал штампы, папки с квитанциями, пломбир.

Далее произошло совсем странное. За полчаса до истечения рабочего времени начальник смены велел идти домой. Я забрал свои вещички из заваленного окурками и заполненного клубами дыма дальнего кабинета и с чувством выполненного долга отбыл. У проходной столкнулся с заместителем начальника таможни, который спешил в порт и, к моему удивлению, не поинтересовался, куда это я раньше времени направляюсь.

Как мне стало известно позднее, пока я отдыхал, события бурно развивались.

Всё, что по этому случаю написано дальше, было мне рассказано разными людьми и в разное время. Что из рассказанного было, а что не было, трудно разобраться. Из того, что мне поведали разные рассказчики, я сложил вместе совпавшие детали, и у меня получилась история, которую и привожу ниже.

Так вот, пока я дежурил на проходной, в отделе происходило следующее.

С иностранца, как положено, после беседы была взята объяснительная и составлен акт о задержании кулёк с землёй и отвёртки. Затем в известность были поставлены компетентные органы, которые то ли поручили пограничникам разбираться, то ли пограничники сами решили заработать ордена на этом деле. На смену пришли уполномоченные лица, которым таможня и передала по акту для дальнейшего разбирательства французского гражданина его кулёк с землёй и средство ковыряния мёрзлой земли.

Потом было принято решение таможне подняться на борт и в присутствии капитана и пограничника досмотреть каюту нарушителя на обнаружение в ней шпионского оборудования. В результате досмотра каюты вещей, запрещённых к перемещению, или других предметов, подтверждающих подозрение, обнаружено не было. Разве что порванный план военной базы, о котором рассказывалось выше.

Затем, все таможенники принимавшие участие в работе с иностранцем, сели писать рапорта о том, что каждый делал, где стоял и что говорил с подробной привязкой ко времени.

На ОКПП Рига, куда доставили «шпиона», был вызван переводчик с английского, (радио-офицер говорил на нём свободно) для допроса и составления протокола. О толщине протокола и продолжительности допроса мне ничего не известно. Известно только одно - корабль должен был вскоре уходить за границу.

Когда допрос был закончен, лицо, подозреваемое в шпионаже, на удивление легко подписало протокол допроса. Правда, сделало оно это на французском языке.

Едва небо начало сереть, нарушитель был препровожден на корабль, сход с которого был запрещён ему навеки.

Утром обо всём произошедшем было доложено по инстанциям до самого верха. Через несколько часов из столицы прибыли матёрые специалисты.

И вот тут в огромной шеренге, стоявшей за орденами, медалями и повышениями началось замешательство, и она начала стремительно таять.

«Шпион», как выяснили столичные спецы, при подписании протокола умышленно коряво написал на родном французском языке - «с протоколом ознакомлен на непонятном мне английском языке» - в чём и подписался.

Тут же возникла надобность исправить допущенную оплошность, а нарушитель уже был отпущен на корабль, с которого выманить его уже было невозможно.

Попытка договориться с ним на его территории успеха не имела. В следующий приход т/х «BORODINE» его уже на борту не было. Этот РО-РОшник стоял на линии, приходил в Ригу раз в десять дней и, как мне рассказывали, принадлежал одному из потомков графа Толстого (того, который в народ ходил).

А началась вся эта шпионская история очень банально. Члены экипажа т/х «BORODINE» неожиданно начали скупать в цветочных магазинах города подарочные комплекты кактусов в керамических горшках и только те, которые были выращены в Саласпилском ботаническом саду, находившемся недалеко от атомного реактора. Они привлекли внимание Комитета и за морями начали наблюдать. Результатом чего и стали описанные выше события. Статья об этом была опубликована в газете «Советская Латвия», называлась она «Оборотни в порту».

Как мне рассказали, пограничные командиры, успевшие засветиться принятием решений в этом деле, были разосланы для продолжения службы в края далёкие. Те же, которые вроде были не причастны к событиям, продолжили службу, но в краях поближе.

Пограничники после этого случая сильно обиделись на таможду, и на какой-то период времени отношения между службами не заладились.

17. Контрабанда и ТСК

Контрабандистам в Рижском Морском торговом порту всегда нужно было ожидать появления таможни. Как любил говорить Василий Петрович: - «На то и ястреб, чтоб куры не дремали!».

Структура регистрационного номера дела о контрабанде, присваиваемая нашей таможней, представляла собой набор из цифр, означавших порядковый номер дела с начала года, затем проставлялась дробь и добавлялись две последние цифры года. Так, первое дело, оформленное в 1984 году, имело номер 1/84.

Для облегчения поиска контрабанды на судах заграничного плавания все портовые таможни обязаны были вести учётные карточки, заводившиеся на каждый случай обнаружения контрабанды на судах и в которых подробно описывалось место сокрытия, указывалось, что и у кого было обнаружено. Портовые таможни регулярно рассылали учётные карточки своим коллегам, а полученные от них систематизировали по типам и классам судов. Карточки носили гриф "ДСП" и хранились в отделе в большом металлическом ящике.

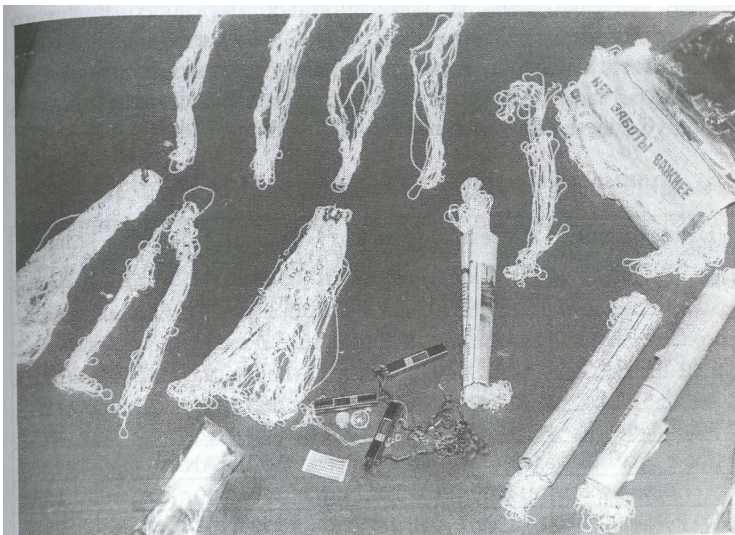
Ассортимент предметов контрабанды в начале и в конце 1980-х годов практически не изменился: на ввоз - джинсовые и вельветовые брюки, спортивная обувь и предметы ширпотреба, бытовая техника, наручные электронные часы, пряжа «мохер», платки головные, серебряные цепочки и кулоны, зонтики, калькуляторы, алкогольные напитки, антисоветская и порнографическая литература, полиэтиленовые пакеты, баллончики со слезоточивым газом, наркотические вещества, видеомэгниетофоны и видеокассеты, радиотелефоны, фурнитура и ткани, нитки с «люреком», косметика. На вывоз - советская и иностранная валюты, серебряные монеты (в частности двух и пятилатовые монеты - это была наша местная «специфическая» контрабанда), алкогольные напитки, металл - баббит, бронза, победит, олово и серебро, изделия из драгметаллов, иконы и другие предметы культа, произведения искусства, марки, бытовая техника, антиквариат - это из постоянного ассортимента, хотя было, конечно, и другое.

Возвращавшиеся после завершения службы за границей офицеры и прапорщики на территории Союза получали ОСБ в грузовых контейнерах. Основным объектом, обнаруживаемым в личных вещах, были патроны. В большинстве случаев, если в семье был мальчик, несколько патронов обычно находились в ящиках с инструментами. Хотя бывали и исключения. 21 октября 1986 года при досмотре ОСБ военнослужащего, возвратившегося из ГДР, старшим инспектором О. в выдвижном ящике стола, находившегося среди других личных вещей в контейнере, были обнаружены боевые патроны в количестве 323 штук (дело о контрабанде 83/86).

Иногда таможенный инспектор уничтожал обнаруженные патроны - зачем портить биографию нормальному человеку. Иногда дело заводилось и на одну штуку, это происходило, когда старший офицер (обычно этим грешили именно старшие офицеры), обещал инспектору таможни всякие кары, вплоть до увольнения. Потом обычно следовала попытка «договориться».

- Ведите себя прилично в таможне и избежите многих неприятностей, - давали мои коллеги напутствие такому офицеру после появления представителя особого отдела военной комендатуры.

Расследования по данной категории дел находились в компетенции военной прокуратуры.

Фотография из дела о контрабанде № 140/82 от 15 ноября 1982 года, обнаружил ст. инспектор А.А. Салиньш, контрабанда: изделия из серебра – 401 шт. и предметы ширпотреба стоимостью – 21 909 руб. 64 коп. находились под вспомогательным двигателем машинного отделения п/х «Елец» ЛитМП.

В основном же возили контрабандой товары ширпотреба, выгодное это было тогда ремесло.

Таможенная пошлина на ввоз составляла 15-20 рублей за предмет. Сумма маленькая, если сравнивать с конечной ценой при реализации в Риге. Ограничение по количеству на ввоз для транспортных служащих не позволяло им ввозить более установленного количества и, тем более, таможенникам облагать этой товар пошлиной. Всё это приводило к сокрытию предметов от таможенного контроля или обмену между членами экипажей. В случае обнаружения обмена, дело о контрабанде не заводили, а вещи, участвовавшие в обмене, задерживали по квитанции ТС-20.

В «перечне предметов, пользующихся спросом как предметы спекуляции в г. Риге и регионах балтийского бассейна в 1986 г.», были указаны цены в комиссионных магазинах Рижского спорткультурга - магнитола «Шарп» GF 777 стоила 2300 руб., видеокассета «Панасоник» - 140-300 руб., видеокассета «SKC» - 280 руб., часы «Авитрон» - 60-80 руб., часы «7 мелодий» - 66-85 руб., часы с калькулятором - 110 рублей.

В середине 1980-х годов таможня была выведена из подчинения МВТ СССР и стала подчиняться Совету Министров СССР - ГУГТК при СМ СССР, кроме того, началось таможенное декларирование грузов через специальные фирмы.

В Латвии было создано Внешнеторговое Объединение «Интерлатвия», заключив договор с которой, можно было получить право продавать за границу и получать оттуда различные товары. Цена такой привилегии составляла 15 % от стоимости контракта.

К концу 1980-х - началу 1990-х годов этот ассортимент почти не изменился, но увеличился в объёме до товарного, если не сказать, промышленного количества. Этому способствовало появление частных коммерческих предприятий-кооперативов.

«Романтическая пора» контрабанды заканчивалась, начали появляться «джентльмены дефицита», предлагавшие населению в обмен на большое количество советских рублей дефицитные иностранные товары в огромном ассортименте. Начиналось лавинообразное движение нашего сырья за границу и ввоз ширпотреба.

Позже, когда была отменена монополия на внешнеторговые операции, задержания контрабанды сырья, посыпались как из рога изобилия. Так, Тукумский комбинат бытового обслуживания (ПП-3192/191) в двух автофургонах с обманным использованием документов предпринял попытку вывоза катодной меди весом 40 тонн, стоимостью 20000 долларов США. Дело оформили по статье 102 ТК СССР.

В другой раз Тбилисский радиозавод прислал четыре контейнера с «орнаментами грузино-американской дружбы» в слитках из цветного металла с еле видимым клеймом в виде двух переплетённых рук. Груз был возвращён отправителю.

Дальше пошли дела поинтереснее. Так, 29 декабря 1989 года у производственно-научного кооператива «Инженер» при попытке вывоза за границу было произведено задержание проката титановых сплавов весом 200 тонн, оценённого на сумму 1500000 рублей. Вывоз предполагалось произвести по подложным документам. Для дальнейшего расследования дело было передано в КГБ.

12 января 1990 года завод «Ригасельмаш» предпринял попытку вывоза за границу груза материалов, используемых в самолёто- и ракетостроении весом 520 тонн. Вывоз таких материалов был запрещён. Груз был оценён на сумму 150000 рублей. Как и в предыдущем случае, груз предполагалось вывезти с обманным использованием таможенных документов. Дело было передано в КГБ. Как позже сообщил председатель КГБ С. Зукул, «под видом строительных материалов, на вывоз которых не требуется лицензия, некая молодёжная организация Новосибирска попыталась, используя посредничество рижского завода, экспортировать дорогие цветные металлы».

Происходили случаи уже совсем криминального свойства. Чего только стоила государственная программа по закупке бартером медицинского оборудования. Некий рижский кооператив продал две дизельные подводные лодки, стоявшие у причалов Болдерайского учебного центра, якобы для закупки на вырученные деньги презервативов. Поступление презервативов нашей таможней в страну так и не было зафиксировано.

Попытки незаконного вывоза за рубеж стратегических материалов предпринимались постоянно. Начиналась игра на разнице внутренних и внешних цен. Появились посредники, предлагавшие свои услуги при сбыте сырья и товаров за рубеж. Это приносило организаторам таких схем немислимые прибыли. Единственным препятствием являлась наша таможня, стоявшая на страже экономических интересов страны. Рост «промышленной» контрабанды происходил по причине конфликта экономических интересов государства и нарождающихся отдельных экономически заинтересованных лиц или групп лиц. Разрешить эти противоречия можно было только путём дискредитации таможни или нанесения ей такого урона, после которого она долго не должна была оправиться. Это и произошло в 1991 году.

А пока что задержания контрабанды происходили не только на кораблях, но и на территории порта.

Заступая в ночную смену 18 апреля 1984 года, мы не предполагали, что простой контроль за бортом обернётся кошмаром - с погоней и попыткой задавить погрузчиком сотрудника таможни... Произошедшие события описаны в рапорте сотрудника таможни, выдержку из которого привожу

ниже. «В районе полуночи при попытке задержания сошедшего с борта иностранного судна гр-на Г. с сокрытыми под одеждой предметами, указанный гражданин запрыгнул в автопогрузчик, заблокировал изнутри дверь и, когда сотрудники таможни приблизились к погрузчику, предпринял попытку наезда на сотрудников таможни. При попытке скрыться погрузчик под управлением Г. погрузочными вилами, находившимися на уровне примерно 80 см, снёс штукатурку с краёв дверного проёма, в который еле успел укрыться старший инспектор С. Попытка остановить погрузчик успехов не имела. Тогда для этого был использован автобус ПАЗ-672, с помощью которого погрузчик был загнан в угол рампы, водитель выскочил из погрузчика и перекатом под колёсами двигавшегося железнодорожного состава скрылся. У брошенного погрузчика с работающим двигателем и захлопнутой сбежавшим водителем дверью был выставлен пост. Утром к погрузчику подошёл гр-н Г., после чего был задержан инспектором П. и доставлен в отдел». Это случай приводился впоследствии в качестве примера, как не нужно производить задержание. Даже самый трусливый человек, испугавшись, может натворить многое.

Производили в том же году и задержания «без приключений». Однажды, работая в паре с Игорем Т. (служившим в Афганистане), мы заметили «Волгу» ГАЗ-24, подошедшую к борту польского судна, в багажник которой какие-то люди начали грузить мешки. По радию от старшего смены мы получили команду на задержание. «Волга» тронулась в нашу сторону. Стараясь не привлекать внимания, мы стали приближаться к автомашине, с другой стороны ее обходили ещё двое сотрудников таможни. «Волга» начала разгоняться, тогда Игорь рванул к ней и нанёс удар ногой в дверь со стороны водителя. «Волга» остановилась, и водитель приоткрыл дверь, видимо, желая разобраться. То, что дальше произошло, тогда вызвало холодный пот у всех нас. Игорь выдернул водителя из салона и, ловко завернув руки, положил на капот. К этому времени и я успел подбежать к машине. Пассажир сопротивления не оказал. В багажнике находились два мешка с джинсовыми брюками и другой ширпотреб.

После оформления дела о контрабанде мы ждали жалобу на наши действия, но, к счастью, она не поступила. Моему напарнику объяснили, что так действовать нельзя. Тем не менее, через смену, осуществляя контроль за тем же судном, мы увидели, как на борт поднялась группа курсантов рижского мореходного училища. Когда они сошли с борта, почти каждый что-либо нес. Решение на задержание приняли самостоятельно, выбрав для этого место, не просматриваемое с корабля. Когда на нас вышла группа курсантов в количестве десяти человек, стало очевидным, что можно задерживать всех. Когда мы подошли к курсантам и представились, они «брызнули» в разные стороны. Игорь поймал нескольких в охапку, а для того, чтобы они не оказывали сопротивления, мой напарник стал упираться складывать на асфальт в кучу. У меня в каждой руке тоже было по курсанту. Задержанных нарушителей, предварительно забрав документы, доставили в водный отдел милиции. Затем их автобусом отвезли в отдел.

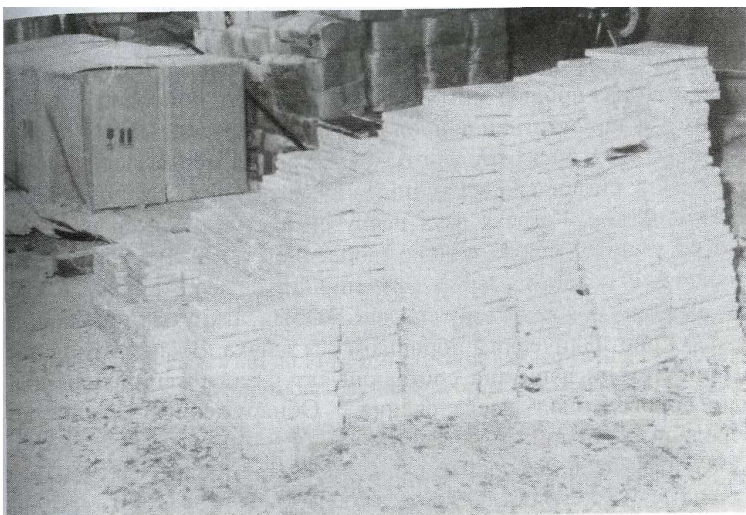
Когда позволяли обстоятельства обнаруженные таможней предметы после проведения беседы с владельцем, с разрешения таможни выбрасывались самим владельцем через иллюминатор в реку. В большинстве своём это были предметы культа, порнография и другие малоценные вещи. Причиной этого было банальное отсутствие времени на оформление изъятия или нежелание таможенников портить биографию нормальному человеку, совершившему глупость, и подрывать свой авторитет среди коллег, занимаясь «всякой ерундой».

Одно из «красивейших» дел нашей таможни получило широкую известность благодаря публикациям в центральной прессе - это было обнаружение 21 апреля 1987 года 1900 брикетов с гашишем общим весом 1207 килограммов 850 граммов. Контрабанда следовала транзитом из Афганистана в Голландию. Среди сотен контейнеров с транзитным грузом, прибывших в Рижский торговый порт, на основании еле заметных подчисток в грузовых документах и манифесте на один из них, Самохиным было принято решение на проведение его досмотра.

Четверо сотрудников таможни, принимавших участие в обнаружении контрабанды, были награждены правительственными наградами: Валерий Самохин - орденом «Знак Почёта»; Ивар Добржинский, Валерий Дубовик и Сергей Сазонов - медалями «За трудовую доблесть».

В дополнение к правительственной награде В.Ф. Самохину было предоставлено право, вне очереди приобрести автомобиль ВАЗ-2107 или ВАЗ-2108 уже точно не помню.

Об этом случае говорилось и на семинаре по линии Управления по борьбе с контрабандой и нарушениями таможенных правил ГУГТК, проходившем в г.Бресте с 5 по 7 июля 1988 года. Семинар был посвящен «совершенствованию таможенного контроля за грузовым автотранспортом». От нашей таможни в Брест ездил старший инспектор В.В. Шилин. По возвращении он рассказал много интересного - о контроле за транзитными грузами, о борьбе с организованными преступными группировками, состоявшими из сирийцев, обучавшихся в Союзе, о гражданах Вьетнама, работавших на предприятиях, и многом другом.

Так выглядели 1900 брикетов с гашишем.

Ящик с афганским изюмом и ящик с наркотиками в изюме.

Первое задержание на нашей таможне «благородного» наркотика - кокаина произвёл один из моих наставников - Тельман Керимов Рза Оглы. Вот что он рассказал мне:

- Дело происходило на иностранном корабле. Во время оформления экипажа в коридоре был замечен моряк, который несколько раз прошёл мимо меня. Догнав его, попросил пройти в каюту. В присутствии сопровождающего провёл устный опрос и приступил к досмотру каюты. В это время моряк выложил на стол пачку сигарет и сверху положил зажигалку. Это привлекло моё внимание. Когда я взял пачку сигарет в руки, то обратил внимание, что моряк сильно побледнел. В пачке находился спичечный коробок. Зачем ему спички, если есть зажигалка? Открыв коробок, я обнаружил две колбы, заткнутые пробкой, с белым кристаллическим порошком без запаха. В кают-компании в присутствии капитана составили акт о задержании порошка для проведения исследования. Обнаруженное вещество передали начальнику отдела ТСК В.Е. Мякинкову.

О том, что произошло дальше, недавно рассказал начальник отдела ТСК Валерий Мякинков.

Получив вещество и оформив соответствующие бумаги, он отнёс всё на экспертизу в лабораторию МВД ЛССР. Там приняли вещество на исследование и пообещали позвонить. Когда спустя три дня звонка не последовало, он пришёл в лабораторию за ответом. Лаборантки сказали, что установить, что это за вещество, им пока не удалось. В разговор вмешался начальник лаборатории, который в пылу полемики по определению принадлежности порошка к какому-либо веществу совершил действия, не свойственные его должности - он взял немного порошка и лизнул его. Все замерли в ожидании. Начальник лаборатории, сообразив, что он сделал, тут же сплюнул, но горьковатый вкус и чувство онемения, охватившие язык, напомнили ему что-то смутно знакомое, и он выдал заключение - кокаин. Если бы не этот случай с испытанием неизвестного вещества на себе, то об обнаружении этого наркотика все давно бы забыли. Кроме автора дела конечно.

Наркотики обнаруживали практически постоянно, но пока в небольших количествах и, преимущественно, у физических лиц иностранного гражданства. Иногда на этом неприглядном деле попадались и граждане СССР.

Первое дело на кокаин по Рижской таможне - обнаружили старшие инспектора Керимов Тельман Рза оглы и В.П. Зайцев.

70-е годы, первое дело на наркотики по Рижской таможне - марихуану обнаружил старший инспектор В.Х. Фурманис.

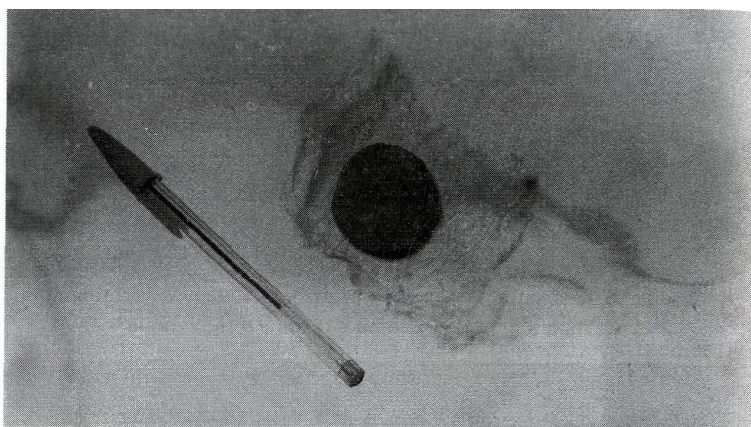
Так, 11 июля 1988 года при оформлении автомобиля, принадлежавшего артисту цыганского театра «Ромэн» гр-ну В., владельцем была предпринята попытка подкупа старшего инспектора Беляева Евгения, после чего был произведён усиленный досмотр автомобиля. В результате под ковриком переднего сиденья водителя обнаружили упакованную в фольгу марихуану весом 0,7 грамма.

Самое первое своё обнаружение наркотиков я сделал случайно.

Произошло это в 1984 году при оформлении на приход из районов промысла колхозного РТ. Усиленным нарядом досмотрели его и ничего не нашли. Уже напоследок, когда все сняли комбинезоны, я решил поднять нижнюю полку у буфета, стоявшего в салоне. Даже фонариком не

посветил, просто пошарил рукой и вытащил пластиковую баночку из-под таблеток с наклейкой - аспирин. Когда открыл баночку, то увидел, что таблетки по внешнему виду похожи на таблетки аспирина. Всё это произошло на глазах у членов экипажа. Экспресс лабораторию для проверки на наличие наркотиков в тот раз с собой не брали. Откуда на приход у рыбаков наркотики могут быть? По этому поводу пошутили, и я бросил баночку к себе в портфель.

Декабрь 1983 г. наркотик гашиш весом 20,5 гр. Задержан на проходной 1 района РМТП ст. инспектором Керимовым Тельманом Рза-оглы. Наркотик находился за поясом на спине у моряка с т/х «Бородин», флаг Франции.

Когда вернулись в отдел, начальник смены попросил начальника отдела ТСК проверить таблетки. Тот сделал экспресс тест, и тут все побледнели - амфетамин! На меня же вообще напал столбняк - наркота в моём портфеле, с моими отпечатками пальцев, да ещё и без документов... Вот влип, так влип! Пришлось срочно писать под диктовку старшего смены рапорт и не мне одному, а всем участникам досмотра. Затем протокол, и на машине срочно в колхоз на подписание, а меня бегом с оформленными документами в лабораторию МВД ЛССР. Там взвесили таблетки на аптекарских весах, получилось чуть больше ста граммов.

Тогда, по малолетству, меня мои наставники до общения с Комитетом не допустили. Они сами исправляли ситуацию.

Премии я за это уголовное дело не получил, а получил нагоняй от начальника смены за то, что всякую дрянь к себе в портфель кладу. Правда, в общий итог за год дело засчитали.

Все дела, оформленные таможенными Союза, отправлялись на утверждение в Главк. Там они попадали в руки уникальному человеку, высочайшему профессионалу - Шпажниковой Александре Сергеевне. Она рассматривала дела о контрабанде и утверждала их. Самым ужасным было, когда она возвращала дело обратно. Это было указание на низкий профессиональный уровень не только рядового таможенника, но и его руководителей, включая начальника таможни.

Бывало и наоборот. Когда 12 сентября 1988 года старший инспектор В.Х. Фурманис на польской яхте обнаружил контрабанду у четверых членов экипажа и оформил четыре протокола на общую сумму 2500 рублей, на совещаниях в управлении его начали ставить в пример начальникам отделов, у которых были низкие показатели по задержанию контрабанды. В том числе и отделу по борьбе с контрабандой. Это вызвало странную реакцию с их стороны - начались попытки по «затиранию» значимости этих дел.

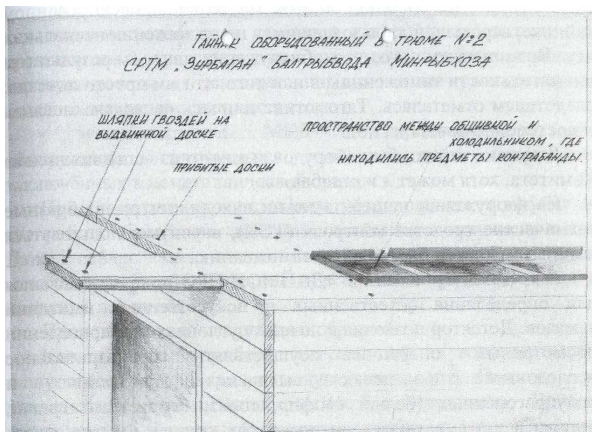
К чему только не прибегали контрабандисты, чтобы не уплачивать таможенную пошлину и не получать разрешение на ввоз. Так, по правилам ввоз следующего легкового автомобиля разрешался тогда только спустя четыре года после ввоза предыдущего, а с запасными частями было совсем туго, и народ находил решения иногда очень оригинальные. На одном корабле «умельцы» из машинной команды распилили легковой автомобиль, а детали спрятали среди запасных частей к судовым двигателям. Каким образом они планировали эксплуатировать автомобиль, не могу понять до сих пор. Правда, размер пошлины на ввоз автомобилей

иностранных марок был велик. На автомобили аналогичные «Волге» и «Чайке» - 7500 руб., «Москвичу» и «Жигулям» - 3500 руб., «Запорожцу» - 2300 рублей. Средняя зарплата по республике в то время составляла 150 руб. в месяц.

Фотография из дела о контрабанде № 33/84 от 23 марта 1984 года, у члена экипажа т/х «Валюта», флаг Франции, обнаружено под двойным дном выдвижного ящика стола, ст. инспектором И.А. Добржинским - икона (фрагмент церковного алтаря), «Евангелист Марк», вторая половина XIX века. Размеры 27 x 27 см, стоимость - 200 руб. и икра зернистая осетровых рыб - 1100 граммов, стоимостью 40 руб.

Одним из дел о контрабанде, ставшим «опасным» для самих таможенников, но прошедшим по всем оперативным сводкам Союза, стало дело, оформленное в 1989 году на предметы ширпотреба, оцененные в 8000 руб. Обнаружение произошло при проведении повторного досмотра СРТМ «Зурбаган» Балтрыбвода Минрыбхоза, стоявшего у причала в Волери. Опасность этого дела состояла в том, что таможенники умудрились обнаружить в трюме № 2 спецтайник, «находившийся в пустотелом пространстве между обшивкой и холодильником помещения артелки, обшитого досками - «вагонкой». Доступ к тайнику стал возможен после выдвижения одной из досок по аналогии с пеналом». Дело было оформлено по статье 102 ТК СССР и передано в следственный отдел КГБ.

Из дела о контрабанде. Рисунок выполнен ст. ин-ром Е.Ю. Беляевым.

Фотография из дела о контрабанде. СРТМ «Зурбаган».

Далее Комитет приступил к «расследованию», допрашивая бесконечное количество раз сотрудников таможни и стараясь выяснить, кто им сообщил об этом тщательно замаскированном тайнике, вероятно использовавшемся на протяжении нескольких лет. Возможность того, что обнаружение явилось результатом внимательности таможенников или того, что им просто повезло, следствием отметалась. Тягомотина длилась несколько месяцев и постепенно сошла на нет.

Я думаю, тайник был оборудован кем-то из «сподвижников» Комитета, хотя может я и ошибаюсь. На вооружении нашей таможни находились разнообразные технические средства контроля (ТСК), научиться пользоваться которыми должен был каждый таможенник.

Так, детектор алмазов «ДАЙМОН-ПРОБ» предназначался для определения естественных и искусственных имитаций алмазов. Детектор позволял в полевых условиях при проведении досмотровых операций осуществлять предварительное исследование с целью выявления драгоценных и полудрагоценных (белый сапфир, топаз, бесцветный гранат, циркон и т. п.), а также синтетических камней, имитирующих природные алмазы.

Когда этот детектор поступил в таможенный пост «Скулте», мы решили проверить, как он работает. Алмазов, ни естественных, ни искусственных, ни у кого не оказалось, поэтому стали искать объект для исследования среди пассажиров ближайшего рейса. Долго ждать не пришлось.

Одна из пассажирок внесла в декларацию перстень с бриллиантами. Один большой бриллиант был окружён шестнадцатью маленькими камнями. Пассажирку попросили предоставить перстень для исследования. Владелица уверяла, что все камни настоящие, так как перстень сделал ювелир, обслуживавший их семью на протяжении нескольких поколений.

Когда детектором проверили все камни в перстне, владелицу чуть не хватил удар - половина маленьких камней оказались подделками.

Металлоискатели:

- портативный металлоискатель ВМ-20Н «ГАММА» предназначался для обнаружения различных металлических предметов, заключённых в непроводящих и слабопроводящих средах (например, дерево, пластмасса, одежда человека и т.д.);

- портативный металлоискатель МКХ-900 мог применяться как в досмотровом зале таможни, так и непосредственно в транспортных средствах, но при этом прибор следовало эксплуатировать на максимально возможном расстоянии от больших металлических масс;

- металлоискатель МКД-9903 предназначался для обнаружения различных металлических предметов, заключённых в неметаллической среде.

При грамотном использовании металлоискателя эффект от его работы был очень высоким, особенно в поиске валюты. Даже сейчас мало кто знает, что в опытных руках металлоискателем можно найти всё, что сокрыто. Вот мы и искали, и находили.

Происходило это следующим образом.

Каждый новый прибор, поступающий на вооружение на нашу таможню, проверялся на чувствительность. Понятно, что его штатная чувствительность нас не устраивала. Прибор раскручивался и подгонялся под наши требования, состоявшие в подаче прибором сигнала не только при обнаружении металла, но и тогда, когда вдруг появлялась надобность в сигнале. Над прибором колдовали до тех пор, пока он не начинал издавать сигнал, реагируя на еле заметное сжатие пальцами его корпуса.

Теперь досмотр подконтрольного лица становился делом ловкости рук. Чуткие пальцы таможенника держали металлоискатель таким образом, чтобы при движении им по телу подконтрольного, можно было прикасаться кончиками пальцев к его одежде. Почувствовав что-либо под одеждой подконтрольного лица, таможенник еле заметно сжимал корпус металлоискателя, на что тот реагировал характерным для этой модели сигналом. Всё! Дело сделано! Подконтрольный доставал сам всё, что скрывалось в карманах, было зашито за подкладку или было приклеено скотчем к телу. За это ему делалась поблажка - в протокол вписывалась фраза: «не указанные в таможенной декларации, не заявленные при устном опросе предметы находились там-то, предъявлены добровольно по требованию таможни». Вот и всё - жаловаться бесполезно, сам написал, что сдал добровольно. Применялся этот не совсем законный способ в экстренных случаях, как: отработка информации Комитета или при абсолютной убеждённости инспектора в сокрытии предметов контрабанды подконтрольным лицом на себе.

Перед началом досмотра можно было взять металлоискатель и советскую или иностранную валюту, затем поднести металлоискатель к деньгам, тут же раздавался сигнал. При этом важно было объяснить ошалевшему подконтрольному лицу, что это сигнал от нити, протодетой через купюры, если это была валюта, или вкрапления микроскопических частиц металла, якобы имевшихся в советской валюте. Тут каждый «изгалялся» насколько позволяла фантазия. Цель оправдывала средства.

Правда, таким способом можно было «отрегулировать» только металлоискатели старых моделей, более современные металлоискатели такой регулировке уже не поддавались. Но и на них была найдена управа. Если стоять рядом с коллегой, работающим новой моделью металлоискателя, и по его сигналу нажать кнопку вызова радиостанции «STORNO», металлоискатель издавал нужный сигнал, остальное было уже делом техники и согласованности между напарниками, заранее договорившимися в какой момент и по какому сигналу нажать на клавишу вызова радиостанции.

От нас требовали результатов, мы их давали. При этом мало кого интересовало, каким способом они были получены. За все ошибки и нарушения, совершённые нами при осуществлении своей профессиональной деятельности, ответственность наступала на общих основаниях. При этом служебное положение являлось только отягчающим вину обстоятельством. Иногда дело доходило до того, что таможенник, уверенный в своей правоте, выкладывал служебное удостоверение перед начальником отдела в качестве гарантии за возможные последствия для того, чтобы ему разрешили проведение досмотра. Так поступил, по рассказам С.Ф. Макеева, будучи ещё инспектором В.К. Гомозов и оказался прав.

Искусство проведения личного досмотра без санкции начальника таможни было на очень высоком уровне и, что примечательно, жалоб от подконтрольных лиц на такие действия со стороны таможенников не поступало.

Флюоресцирующий фломастер использовался для маркировки в транспортных средствах различных мест, могущих быть использованными для сокрытия предметов контрабанды, доступ в которые возможен только после демонтажа каких-либо узлов, механизмов, конструкций и т.п. Контрольные метки наносились во время таможенного оформления транспортного средства, убывающего за границу, с обязательным фиксированием маркированных мест в специальном учётном журнале. Данное техническое средство применялось скрытно от проходивших таможенное оформление лиц.

Ультрафиолетовый фонарь «PALOMAR» состоял из преобразователя напряжения, находящегося в одном корпусе с аккумуляторными батареями, и двух сменных ламп. Одна лампа являлась источником люминисцентного света, другая - источником ультрафиолетового света. Фонарь предназначался для выявления графических обозначений, выполненных флюоресцирующими красителями. По возвращении транспортного средства с помощью ультрафиолетового фонаря по целостности меток можно было установить, подвергалось ли то или иное место вскрытию за время пребывания за границей.

Фломастеры и фонари применялись преимущественно для маркировки валюты, выдаваемой «Инфлотом» членам экипажей иностранных судов, и обведения текста в индивидуальных таможенных декларациях для контроля за дописками. Результативность была очень высокой.

Начальник отдела ТСК В.Е. Мякинков во время проведения занятий по применению ТСК пытался приучить нас использовать ультрафиолетовый фонарь для маркировки шурупов, болтов и заклепок, крепивших обшивку на кораблях. Дело это было хлопотное. Нужно было отвлекать сопровождающего, затем отмаркировать фломастером и подробно описать и зарисовать сделанное в специальном журнале. Потом, по приходу судна в порт найти нужную запись, запомнить место и на судне найти его, снова отвлечь сопровождающего, убедиться в целостности маркировки или, зафиксировав нарушение, вскрывать обшивку. Не прижилось это новшество по причине большой хлопотности для оперативного состава. После контроля меток необходимо было тратить время на составление справок о проведении досмотровых мероприятий независимо от результата.

Стационарный рентгеноскопический аппарат ВХ-150-31 предназначался для визуального контроля предметов ручной клади и багажа, а также международных почтовых отправлений. Он был оборудован биологической защитой, обеспечивающей радиационную безопасность обслуживающего персонала в соответствии с «основными санитарными правилами работы с радиоактивными веществами и другими источниками ионизирующих излучений» (ОСП-72), что позволяло эксплуатировать его в помещениях без специального оборудования. Диаметр вращающегося стола - 800 мм. Максимальные габаритные размеры контролируемых предметов - 700x650x650 мм. Размер экрана - 570x570 мм.

Настольный рентгеноскопический аппарат ВХ-150-1 предназначался для визуального контроля предметов ручной клади и багажа, а также международных почтовых отправлений. Был оборудован биологической защитой, обеспечивающей радиационную безопасность обслуживающего персонала в соответствии с «основными санитарными правилами работы с радиоактивными веществами и другими источниками ионизирующих излучений» (ОСП-72), что позволяло эксплуатировать его в помещениях без специального оборудования. Размер установочного стола - 690x800x1110 мм. Размер экрана - 400x400 мм.

Радиостанции «Кактус-М» предназначались для передачи оперативными дежурными указаний сотрудникам, находящимся на территории порта, железнодорожной станции или на лётном поле аэропорта, о производстве контроля прибывающих (отправляющихся) транспортных средств, судов, железнодорожных составов, самолётов и грузов. А также для информирования о результатах контроля за транспортными средствами и грузами, распределения личного состава по участкам работы и его перемещения, в случае необходимости вызова на подконтрольный объект сотрудников других служб.

Помимо основной задачи - связи, как-то при задержании мне пришлось пользоваться этой радиостанцией не по прямому назначению.

Радиостанция находилась в кожаном чехле, висевшем на длинном кожаном ремешке.

Как-то вечером при контроле за судном мы увидели, что с борта по трапу сошёл человек и направился в нашу сторону. Мы немного выждали и, когда он приблизился к нам, пошли на задержание. Человек, подозреваемый в контрабанде, увидел нас и резво стартовал. Пришлось его догонять. Время было вечернее, парень был здоровый, бегал весьма шустро, территорию порта знал отлично. Нас было двое. Мы решили загнать его к рампе, которая была довольно высокой и, по нашим расчётам, должна была его остановить. Но этого не случилось - он ловко запрыгнул на неё, а мой коллега сорвался. Нарушитель стал уходить. Чтобы тяжёлая радиостанция не свалилась с плеча при беге, пришлось намотать ремешок на руку. Когда я стал запрыгивать на рампу, немного опередив преследуемого, радиостанция вывалилась и начала болтаться на ремешке. Контрабандисту показалось, что его сейчас ею «отоварят» по спине, и он остановился. Тут и мой коллега запрыгнул на рампу, и мы произвели задержание.

Когда, сопровождая подозреваемого в контрабанде в отдел, мы вышли на освещенное место, я с ужасом узнал в нем друга своей двоюродной сестры.

Если сравнивать дела о контрабанде за 1982 год и 1990 год, получится следующее:

- в 3-м квартале 1982 года при помощи телескопических зеркал было совершено 33 обнаружения, рентгеновского аппарата ВХ-150-1 - 8 случаев, рентгеновского аппарата ВХ-150-31 - 2 случая, металлоискателя «МКД-9903» - 2 случая, переносного детектора наркотиков САС - 2 дела (окончательное заключение о наличии в найденном веществе наркотиков выдавал «криминалистический отдел МВД ЛССР»). Интенсивность использования средств ТСК при обнаружении контрабанды была высока. Например, начальник отдела ТСК за первое полугодие 1980 года оформил 3,5 дела на сумму 1003 рубля. Если одно дело оформляли на двоих сотрудников, то на каждого приходилось по 0,5 дела, если на четверых, то по 0,25 дела и так далее.

За 1982 год оформлено 165 дел на сумму 103598,50 рублей, в т. ч. 12 дел по статье 102 ТК СССР - на оружие, боеприпасы и 100 наркотики. Из них группой по борьбе с контрабандой было оформлено 62,5 дела на сумму 35027,42 рубля, в т.ч. по ст. 102 ТК СССР 6,5 дел, из них 3 дела были на наркотики.

Однажды Василий Петрович Зайцев рассказал историю, связанную с полемикой между руководителем ГТУ и старшим инспектором В.К. Гомозовым. Произошло всё это на собрании, посвященном организации работы таможи в связи с предстоящим проведением Олимпиады в Москве. Так, руководитель Главка попенял нам, что у нас «мелочные» дела о контрабанде и привёл в качестве примера дело нашей таможи стоимостью в 150 рублей, в то время как средняя стоимость дела о контрабанде по Союзу составляла 600 рублей. Автором дела, как на грех, оказался В.К. Гомозов, который не выдержал и вступил в полемику, в пылу которой задал вопрос-утверждение: «Так Вы считаете сумму в 150 рублей мелочью? Значит, месячная зарплата инженера - это мелочь и мы должны прощать её спекулянту и контрабандисту?» Руководитель Главка посчитал благоразумным прекратить полемику и больше к этому вопросу не возвращался.

За 1990 год было оформлено 107 дел о контрабанде на сумму 403 тыс. рублей, в т.ч. 12 дел по статье 102 ТК СССР, 4 дела - на оружие, боеприпасы и наркотики, 1 дело - обманное использование таможенной декларации и 95 дел по ст. 100 ТК СССР, в т.ч. 24 - на советскую и иностранную валюту, 34 - на изделия из драгоценных металлов, 16 - на товары народного потребления, 4 - на предметы старины и искусства.

Нашу таможду в деле борьбы с контрабандой поддерживала и администрация судовладельцев. На судах даже организовывалась судовая «общественная таможня», которая досматривала своих коллег после возвращения из города. Эта «таможня» досматривала и само судно перед возвращением в Союз, и если потом на досмотренной территории мы что-либо находили, то к ответу призывали первым делом общественного таможенника, досматривавшего объект, а экипаж лишали премии за рейс. Такая практика была малоэффективной и постепенно сошла на нет, превратившись в чисто формальную работу.

Конфискованные нами товары до середины 80-х годов реализовывались через комиссионные магазины города. Зная место и время начала продажи, один из наших сотрудников, являвшийся членом комиссии народного контроля по передаче конфискатов на реализацию в комиссионные магазины, попытался проследить за всем процессом.

Он убедился в загрузке товара со склада таможи в грузовик магазина и в выгрузке товара в подсобку комиссионки. Затем, к открытию магазина занял очередь и оказался первым. Однако ничего купить ему не удалось. Всё было уже распродано.

Об этом мы были проинформированы в стенной газете, где в отчёте о деятельности группы народного контроля был подробно описан этот случай.

С конца 80-х годов реализация конфискованных товаров стала происходить с аукционов.

17 февраля 1991 года фирма «Балттерминал» (г. Таллинн) проводила ТАМОЖЕННЫЙ АУКЦИОН во дворце железнодорожников по ул. А.Чака, дом 7, с предварительным просмотром товаров с 9.00 до 11.30 часов. На аукцион были выставлены товары, конфискованные нашей таможней. В перечне было 135 лотов. Приведу несколько выдержек из перечня: «самовар жёлтого металла с 6 медалями фабрики Воронцова за 300 руб.; электроорган «KAWAI» в комплекте, Япония - 6000 руб.; ковры синтетические производства Бельгии, размер 1,85 x 2,85, 4 шт. по 2000 руб. каждый; подставка для свечей из серебра 875 пробы, вес 468,8 гр. - 2900 руб.; ложки столовые из серебра с гравировкой «Вензель и корона» 875 пробы, вес 861,19 гр. 12 шт. - 5500 руб.; ложки чайные из серебра с гравировкой «Вензель и корона» 875 пробы, вес 314,06 гр. 12 шт. - 1920 руб.; кольца золотые 583 пробы со вставками белого цвета, белого и красного цвета - от 415 руб. до 786 руб.; серебряные монеты разного номинала - от 65 до 160 руб. и многое другое на общую сумму около трёхсот тысяч рублей.

У меня и ещё нескольких моих коллег были приглашения на этот аукцион. Мы решили сходить посмотреть. Пришли к 9 часам к открытию на предварительный просмотр, но нас даже в здание не пустили, пояснив, что всё уже распродано. Странно. Начало торгов было назначено на 12.00 часов. У здания я заметил несколько крутящихся поблизости фарцовщиков. Контрабанда, задержанная нами, скорее всего, вернулась к своим бывшим хозяевам или «осела» у организаторов аукциона.

Время изменилось, а люди нет.

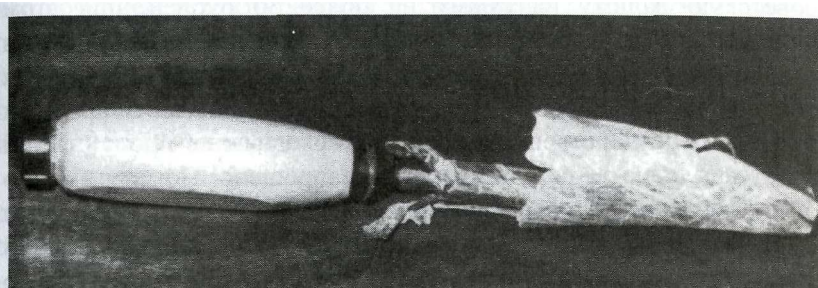
Как я уже упоминал, в «красном уголке» у нас находился музей контрабанды. Целую стену занимали два больших стенда с фотографиями, описаниями мест сокрытия и предметами контрабанды, обнаруженными в них. На стендах музея можно было увидеть не только фотографии, но и вещи, обнаруженные нашей таможней: несколько икон, фальшивая купюра достоинством в двадцать канадских долларов, топорик с высверленной ручкой, долото, в ручке которого было высверлено отверстие для вывоза драгоценностей, «выпотрошенные» батарейки, использовавшиеся для ввоза 400 серебряных цепочек (автор дела - А.А. Салиньш), кассеты для фотоплёнки, в которых было обнаружено около четырёх тысяч рублей, тайник в платяной вешалке и многое другое, что не укрылось от внимания таможенников. К сожалению, почти вся экспозиция нашего музея впоследствии были утеряны, некоторые экспонаты, не представляющие материальной ценности, сейчас находятся в музее таможни, расположенном в помещении Рижского Технического Университета.

Каждый из экспонатов был из дела о контрабанде. Отдельно хочется рассказать о топорике с высверленной ручкой. Дело было оформлено в 1980 году на часовых дел мастера, гражданина СССР ставшего лицом без гражданства, как только он пожелал выехать на ПМЖ в Израиль (обнаружение произвёл А.В. Павловский).

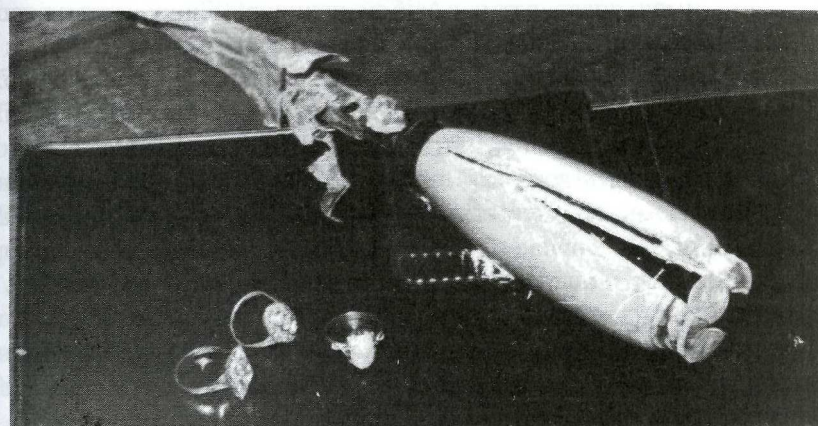
Топорик с деревянной ручкой находился среди личных вещей владельца, следовавших отдельно. Предметы контрабанды были обнаружены с помощью рентгенустановки. В ручке топорика был просверлен канал, в котором находилось 2000 маятников для наручных часов. При сдаче на склад таможни маятники пересчитывались неоднократно, и каждый раз получалось разное количество. Склад тогда вела старейший сотрудник таможни Стратанович Татьяна Алексеевна, очень любившая порядок. Впоследствии её «посадили на архив», откуда она и ушла на пенсию. А топорик поместили на витрину в «красный уголок».

Высверливали тайники не только в топориках, но и в других предметах, которые можно было просверлить дрелью. На фотографиях изображено долото, которое при таможенном контроле оказалось на вид простое, а внутри золотое. Его можно увидеть на фотографии музейного стенда, на странице 23.

В начале 1990-х годов парк ТСК таможни стремительно пополнялся различной техникой. Так, за 1990 год на вооружение таможни поступило: 17 радиостанций, 4 металлоискателя, 11 фонарей «Норд», видеоманитофон, 6 персональных компьютеров и многое другое.

Фотография из дела о контрабанде. На первый взгляд нормальное долото.

Фотография из дела о контрабанде. А тут долото в таможне «расколосось».